

ПРОТОПРЕСВИТЕР АЛЕКСАНДР ШМЕМАН ОБ ОБЩЕМ И ЛИЧНОМ В БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

В.В. Печатнов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454 Москва, пр. Вернадского, 76

В статье впервые в отечественной науке рассматривается взгляд протопресвитера Александра Шмемана на проблему соотношения общего и личного в Божественной литургии. Исследование показало, что Александр Шмеман при этом исходит из смысла литургии как «общего дела» церковной общины, а это значит, из первичности «общего» в литургии, но признает наличие и «личного», то есть значение литургии для отдельной человеческой личности. Антиномия же между общим и личным разрешается в соответствии со словами Христа в Евангелии «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет её» (Мк 8. 35 и паралл.). Исследование предваряется введением в проблематику трудов о. Александра Шмемана в области богослужения и указанием его вклада в изучение и толкование православного богослужения.

В заключении указываются источники идей Шмемана, касающихся проблемы общего и личного в Божественной литургии и характеризуется его собственный вклад в её решение. В частности, это решение было вдохновлено не столько трудами деятелей западного «литургического движения» (хотя их влияние невозможно отрицать [5, сс. 143, 141]), сколько идеями его наставника по Свято-Сергиевскому Богословскому институту в Париже, профессора, протопресвитера Николая Афанасьева (1893-1966) [2, сс. 212-213]. В своем труде «Трапеза Господня» (1952) о. Николай сильнейшим образом выдвинул и обосновал тезис о соборном, «общинном» характере Божественной литургии. О. Александр Шмеман идёт дальше своего наставника, ибо рассматривает и «антитезис», то есть личный аспект литургии, выявляет богословскую основу тезиса и антитезиса и осуществляет синтез между ними.

Ключевые слова. Александр Шмеман, литургия, Евхаристия, Православная Церковь, община, литургическое богословие, толкование литургии.

Среди православных России не утихают споры вокруг наследия одного из известнейших представителей так называемой «парижской» богословской школы, протопресвитера Александра Шмемана (1921-1983). Одни признают его влияние на установление практики частого причащения в Русской и ряде других православных Церквей¹, а также глубину его литургико-богословских идей (надо заметить, что литургическое богословие, осмысление церковного богослужения, было предметом диссертации о. Александра на степень доктора богословия, а затем основной сферой его научной и педагогической деятельности). Другие говорят о несоответствии мысли о. Александра православному Преданию, а именно об отсутствии святоотеческого основания для многих его суждений, о влиянии на него либеральной идеологии с характерным для нее размытием понятий добра и зла², а также о его невосприимчивости к монашеско-аскетической традиции и, как следствие, непонимании христианской духовной жизни³.

Несомненно, однако, что он словом и делом стремился способствовать духовному возрождению православия, и – шире – воцерковлению мира через правильно понятое богослужение. Последнее уточнение было для о. Александра ключевым. По его убеждению, православие переживает литургический кризис, который обусловлен искажением понимания богослу-

жения вследствие «западного пленения» православного богословия в XVII – нач. XX вв. Поэтому необходимо новое открытие истинного смысла и силы богослужения [6, р. 155] на основе аутентичного Предания Православной Церкви. О. Александр впервые ввел в христианскую мысль понятие «литургическое богословие» в значении богословского понимания опыта богослужения, и прежде всего Божественной литургии [1, с. 161-162]. Труды о. Александра по литургическому богословию – “Great Lent” («Великий Пост»), “Of Water and the Spirit” («Водой и Духом») и написанная по-русски «Евхаристия – Таинство Царства», – сравнительно простые и доступные для понимания и переведенные на несколько языков, уже давно и широко распространились по православному миру. Это не значит, впрочем, что они были приняты всеми в Православной Церкви. Толкование о. Александром Божественной литургии, изложенное как в «Евхаристия – Таинство Царства», так и в цикле бесед на радио «Свобода», а также в менее известной работе⁴, стало источником для новых «объяснений» литургии зарубежными и отечественными православными авторами⁵.

Несмотря на это, учение о. Александра о Божественной литургии почти не рассматривалось отечественными авторами⁶. Данная статья посвящена наиболее простой, но, думается, практически наиболее важной части этого учения: ответу

¹ Protopresbyter Borovoy V. Father Schmemmann's Theology in Russia: A Contribution to the Renewal of the Russian Orthodox Church Today. The 1995 Father Alexander Schmemmann Memorial Lecture (St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, 1995); Pap M., прот. Евхаристическое богословие протопресвитера Александра Шмемана и его влияние на современную практику причащения / Прот. М. Пап // Начало. № 25. СПб, 2012. С. 185-194.

² Друзь И. Идеология протопресвитера Александра Шмемана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/12/> (дата обращения 8.03.2017).

³ Осипов А.И. Интервью на телеканале «Союз» (июль 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uu5fsLrHKMs> (дата обращения 03.04.2017).

⁴ Шмеман А., прот. Литургия и жизнь: Христианское образование через литургический опыт. М.: Паломник, 2003. 159 с.

⁵ Hanp., Archbishop Paul of Finland. The Feast of Faith: An Invitation to the Love Feast of the Kingdom of Heaven. Crestwood, N.Y., 1988. n.d., Уминский А., прот. Божественная Литургия: Объяснение смысла, значения, содержания. М.: Никея, 2012. 160 с.

⁶ Исключение составляют работы прот. Олега Агапова, увенчавшиеся диссертацией на соискание степени доктора богословия: «Богословие протопресвитера Александра Шмемана в контексте русской и европейской культуры XX века: важнейшие точки соприкосновения» (М., 2013; автореферат, в котором перечисляются упомянутые работы, доступен по адресу: http://www.doctorantura.ru/images/pdf/autoreferat_agarov.pdf (дата обращения: 11.04.2017)). В них среди тем, посвященных взаимоотношению

о. Александра на вопрос о соотношении общего и личного в литургии. Полно и обоснованием он представлен в его последней книге, писавшейся на протяжении многих лет - «Евхаристия – Таинство Царства».

Сегодня в Поместных Православных Церквях, в том числе и в Русской Церкви, растёт понимание того, что литургия, в соответствии с этимологией этого слова (λεῖτον - народное + ἔργον - дело), есть общее дело церковной общины. Эта истина, впрочем, в Православной Церкви никогда не забывалась, в отличие от Церкви Католической, где клерикализм и индивидуализация богослужебной жизни привели к развитию частных месс (то есть литургий) и месс, читаемых одним священником в одиночестве. Однако в поствизантийскую эпоху и в Православной Церкви это понимание отошло на задний план в силу ряда причин, среди которых было влияние духовного индивидуализма Запада.

С конца же XX в., благодаря усилиям литургистов и ученых-богословов, катехизаторско-просветительской деятельности, а также влиянию, пусть и опосредованному, западного «литургического движения», понимание литургии как общего дела священнослужителей и мирян вновь становится актуальным для православных верующих. Согласно этому пониманию, христианин приходит на литургию для того, чтобы стать частью этого общего дела, для того, чтобы ради него оставить даже собственные интересы и проблемы.

В то же время Божественная литургия, точнее, совершающееся в ней таинство Евхаристии⁷ изначально понималось и как *личная* встреча со Христом, личное приобщение Ему «во оставление грехов и в жизнь вечную», собственное исцеление и обновление в этом приобщении. Как правильно сочетать эти два видения?

Согласно о. Александру Шмеману, Евхаристия есть таинство полной актуализации Церкви. В ней Церковь становится тем, что она есть в своей сущности – Телом Христовым, и как Тело Христово, причастна Его плоти и крови, «участвует в Его священстве... ходатайствует Его ходатайством», приносит Его жертву и участвует в ней [4, сс. 108-110]. В Евхаристии Церковь наиболее полным и совершенным образом участвует в жертве Христовой. Это участие есть необходимое начало миссии Церкви в мире, ибо христиане призваны поступать в мире сем, как поступал Христос (см. 1 Ин 4. 17). А участвовать в приношении жертвы Христовой за мир Церковь может только как Церковь, как люди, объединенные верой, любовью и «общим делом» литургии. Кроме того, Евхаристия есть таинство любви Христовой [4, с. 98], которая сообщается Церкви и, через нее, миру, а также таинство восхождения Церкви к трапезе Господней в Царстве Божьем [4, сс. 233-234].

Если таково видение Евхаристии о. Александра Шмемана, то естественно было бы ожидать сильнее акцента на *общем* в литургии вплоть до исключения личного. Однако мысль о. Александра идёт значительно глубже. В основе проблемы сочетания общего и личного, рассуждает он, лежит присущая христианской вере антиномия и двойное призвание Церкви и каждого христианина. Христианство обращено как ко всеобщему – ко всему миру и ко всему человечеству, так и к каждой человеческой личности. И потому Церковь призвана нести любовь Христову всему миру, проповедуя Евангелие «всей твари» (Мк 16. 15), но также утвердить и подтвердить делом, что «своей спасительной любовью Христос обращен к каждому человеку» и что каждый «связан со Христом единственностью Божьего замысла о

христианства и культуры, рассматривается учение о. Александра о Евхаристии. Однако во всех случаях характер исследования освобождает автора от анализа конкретных элементов Божественной литургии, а проблема соотношения общего и личного в литургии не затрагивается.

⁷ Выражение «Божественная литургия» иногда используется как синоним Евхаристии, но, строго говоря, литургия есть богослужение, в котором совершается Евхаристия.

каждом человеке» [4, с. 95]. А каждый христианин призван и «душу положить за други своя», и «презирати мир, проходит бо, прилежати же о душе, вещи бессмертной...»⁸ [4, с. 95].

В литургии, согласно о. Александру, обе части антиномии удерживаются, причём в соответствии со словами Христа в Евангелии: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её» (Мк 8. 35). Поскольку, как было сказано выше, Евхаристия есть служение Церкви ради Христа и Евангелия, о. Александр подчёркивает, что христианин в литургии призван «потерять свою душу», то есть свою жизнь, ради любви ко Христу умереть для всего, что является для него только своим. «Не для себя мы приходим в Церковь и не своего ищем в ней, а для служения делу Христову в мире» [4, с. 110].

Но когда это исполнено, для участников литургии оживает вторая часть евангельского речения: «кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт ее». Если мы отдаём нашу жизнь Христу в служении Его делу, то мы открываемся для получения нашего собственного спасения и исцеления. Так, личное исполняется через общее, и только через общее. Поэтому, согласно о. Александру, проблема общего-личного в литургии не разрешается путём признания одних частей этой службы «общими», а других – «личными». Для участника таинства Евхаристии вся служба, от первого её момента до последнего, есть общее дело, и в ней он ничего не может использовать только для себя. Но через это *общее* дело он получает личное как дар.

Конечно, как замечает Шмеман, в литургии есть ряд элементов, которые либо направлены на личное, либо выражают личный вклад человека в общее дело литургии. Однако в литургии (как и в Церкви вообще) «личное» не означает «частное», то есть мое спасение и мои нужды, это не просто моё личное дело; они вклю-

чены в общее дело Церкви. Понимание того, что в литургии личное включено в общее, отмечает Шмеман, в церковном сознании сильно ослабло, чем и объясняется появление и популярность частных *треб* – отдельных от литургии молитвословий и священнодействий, совершаемых по просьбе одного или нескольких христиан [4, с. 98]. Однако молитвы и священнодействия литургии при правильном их истолковании указывают на изначальную интуицию Церкви, что в литургии все личное «включено, возвращено в общее, в единую и нераздельную любовь Христову, таинство которой мы совершаем в Евхаристии» [4, там же].

В своем толковании Божественной литургии о. Александр рассматривает семь ее элементов, которые относятся к личному:

- 1) поминовение на проскомидии;
- 2) молитва перед Трисвятым пением, читаемая священником;
- 3) сугубая ектения;
- 4) священническая молитва «Никто же достоин...», читаемая во время Херувимской песни;
- 5) приношение даров на Великом входе, связанное с приношением каждого члена Церкви;
- 6) Воспоминание (вторая часть евхаристического канона);
- 7) причащение.

В каждом из этих элементов личное, пусть и в разной степени, включено и возвращено в общее.

Смысл поминовения на проскомидии гораздо глубже, чем молитвенное чтение имён «о здравии» и «о упокоении» с выниманием частиц из просфор. Когда в память тех, кого просят помянуть в записках, вынуты частицы, «собрана на дискосе вся Церковь во главе с Божией Матерью и всеми святыми» и преодолены «перегородки между живыми и мертвыми, между земной Церковью и небесной, ибо ... все соединены в этом приношении Христом Своего... человечества Богу и Отцу» [4, сс. 131-132]. Молитва перед Трисвятым пением должна быть понята

⁸ См. общий тропарь преподобным.

как исповедание святости Божией всеми присутствующими, пусть и в лице одного священника, и моление об освящении их этой святостью [4, сс. 71-73]. Дело в том, что пение Трисвятого, перед которым читается эта молитва, есть логическое завершение малого входа на литургии. А малый вход до VIII в. был входом *всей общины* – и священнослужителей, и народа – в храм [3, сс. 17-18].

В сугубой ектенье Церковь молится о конкретных людях и их нуждах. Причём молится именно Церковь, община христиан, в Евхаристии становящаяся Церковью с большой буквы, а не только священник и диакон. И Церковь может сосредоточить всю свою молитвенную силу и любовь на конкретных людях и нуждах только потому, что, как пишет Шмеман, «сначала мы смогли отождествить себя с *общим*, в любви Христовой, освободить себя от эгоцентризма...» [4, с. 97].

В молитве «Никто же достоин...» священник готовится стать Христом [4, с. 139], идентифицировать себя с Ним и исполнить Его священство. Поэтому он молится за себя, но так как священство Христово заключается «в соединении в Себе всех верующих в Него», в «создании Тела Своего... в приношении – в Себе всех, и во всех – Себя», священник в этот момент являет свое единство с общиной как «единство Главы и Тела» [4, сс. 137, 139]. Литургико-богословский смысл Великого входа состоит в приношении евхаристических даров Богу. Это приношение органически связано с приношением каждого члена Церкви, ибо оно есть символ приношения Церковью самой себя [4, с. 146], а это приношение складывается из приношений каждого ее члена. Это понимание, однако, практически выветрилось из современного церковного сознания, и нужно вновь доносить до людей, что для подлинного участия в литургии каждому необходимо участвовать в приношении евхаристических даров. Практически такое участие возможно, по

мнению автора, если каждый будет вносить деньги за просфору, которая затем будет использована для приготовления даров [4, сс. 145-146].

В Воспоминании, которое в литургии св. Иоанна Златоуста начинается молитвой «С сими и мы блаженными силами...», а завершается возгласом «Твоя от Твоих Тебе приносяще...», вся Церковь вспоминает (и в этом воспоминании обретает⁹) «Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, Второе и славное паки Пришествие» как единую победу, достигнутую жертвой Христовой любви [4, сс. 234-260]. «Эту жертву – как жизнь, и жизнь – как жертву» Христос даровал Своей Церкви «как восхождение в Царство Божие и причастие ему» [4, с. 260]. Но эта жертва любви даруется также каждому человеку как его подлинная жизнь, как его единственный путь к «невечернему дню Царствия Христова», и сущность этой жизни и этого пути выражена ап. Павлом: «Крестом Господа нашего Иисуса Христа ... для меня мир распят, и я для мира» (Гал 6. 14) [4, сс. 258-259].

Наконец, святое Причащение есть церковный акт, это Причащение всей Церкви, а не совокупность частных причащений [4, сс. 280-298]. Высшая подготовка к причащению, показывает Шмеман, не есть личная подготовка христианина до литургии, хотя она критически важна и необходима, но ходатайственная молитва, читаемая сразу после преложения св. Даров и начинающаяся в литургии св. Василия Великого словами «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие». Это молитва «собрания Церкви – Тела Христова» [4, с. 288]. Лишь после этой всеобъемлющей молитвы ходатайства за весь мир в чине литургии следует молитва о личном очищении каждого члена Церкви. Однако согласно раннехристианскому пониманию, к которому о. Александр призывает вернуться,

⁹ В богослужении, и прежде всего в литургии Церковь приобщается к памяти Божьей, в которой все живо, и переживает все события истории спасения в их духовной реальности, как совершающиеся сейчас (см. сс. 149-156, особенно сс. 155-156.)

личная подготовка ко причащению состоит не «в анализе своей «подготовленности» и «неподготовленности», а в ответе любви на любовь – «да и мы со всеми святыми, от века Тебе благоугодившими, будем причастники вечных Твоих благ, их же уготовал еси любящим Тя, Господи...» (молитва перед «Отче наш» на литургии св. Василия Великого)» [4, сс. 296-297].

Во всех остальных своих частях Божественная литургия, согласно о. Александру, имеет всецело «общий» характер; каждый член собравшейся на литургию общины призван участвовать «в одном *общем деле*, в единой священной реальности, всецело отождествляя себя с тем, что в данный момент раскрывает, являет и дарует Церковь в своем восхождении к небесной трапезе Царства» [4, сс. 258-259]. Отдельные люди и их личные и только личные нужды и проблемы как бы растворяются в этом общем движении [4, с. 97], посредством которого, од-

нако, каждый человек обретает исцеление и спасение.

Таково видение соотношения общего и личного в Божественной литургии протопресвитером Александром Шмеманом. Его решение вдохновлено не столько трудами деятелей западного «литургического движения» (хотя их влияние невозможно отрицать [5, сс. 143, 141]), сколько идеями его наставника по Свято-Сергиевскому Богословскому институту в Париже, профессора протопресвитера Николая Афанасьева (1893-1966) [2, сс. 212-213]. В своём труде «Трапеза Господня» (1952) о. Николай сильнейшим образом выдвинул и обосновал тезис о соборном, «общинном» характере Божественной литургии. О. Александр Шмеман идёт дальше своего наставника, ибо рассматривает и «антитезис», то есть личный аспект литургии, выявляет богословскую основу тезиса и антитезиса, и осуществляет синтез между ними.

Список литературы:

1. Вукашинович В. Литургическое возрождение в XX веке. М.: Христианская Россия, 2005. 238 с.
2. Мейендорф И., прот. Жизнь, достойная жительства // Богослужение и Предание. Богословские размышления протоиерея Александра Шмемана: сб. статей / Под ред. Т. Фиша; пер. с англ. Ю.С. Терентьева. М.: Паломник, 2005. С. 208-222.
3. Печатнов В.В. Божественная литургия в России и Греции. Сравнительное изучение современного чина. М.: Паломник, 2008. 365 с.
4. Шмеман А., прот. Евхаристия – Таинство Царства. – 2-е изд. М.: Паломник, 1992. 304 с.
5. Шмеман А., прот. Литургическое возрождение и Православная Церковь // Богослужение и Предание. Богословские размышления протоиерея Александра Шмемана: сб. статей / Под ред. Т. Фиша; пер. с англ. Ю.С. Терентьева. М.: Паломник, 2005. С. 141-162.
6. Schmemann A. Church, World, Mission: Reflections on Orthodoxy in the West. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1979. 227 p.

Об авторе:

Печатнов Валентин Владимирович – к.ист.н., доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России. Научная специализация: христианская традиция, история церкви, литургика. E-mail: vpechatnov@yandex.ru.

PROTOPRESBYTER ALEXANDER SCHMEMANN ON THE COMMON AND THE PERSONAL IN THE DIVINE LITURGY

V.V. Pechatnov

Moscow State Institute of International Relations (University), 119454, Moscow, pr. Vernadskogo, 76.

Abstract. *The article, for the first time in Russian research, studies the view of protopresbyter Alexander Schmemmann on the issue of the relationship between the common and the personal in the Divine liturgy. The investigation showed that Alexander Schmemmann, starting from the notion of the liturgy as the common work of the church assembly, and therefore, from the primacy of the common in the liturgy, at the same time acknowledges the existence of the personal, i.e. the importance of the liturgy for each human person. The antinomy between the common and the personal is resolved by Schmemmann in accordance with Christ's words in the Gospel: "Whoever desires to save his life will lose it, but whoever loses his life for My sake and the gospel's will save it" (Mk 8:35 and parall.). The investigation is preceded by an introduction to the problematics of Fr. Schmemmann's work in the area of liturgy and an indication of his contribution to the study and interpretation of Orthodox worship. In conclusion, the author indicates the sources of Alexander Schmemmann's ideas on the problem of the common and the personal in the Divine liturgy and characterizes his own contribution to its solution.*

Key words. *Alexander Schmemmann, liturgy, Eucharist, Orthodox Church, community, liturgical theology, liturgical commentary.*

References:

1. Vukashinovich V. *Liturgicheskoe vozrozhdenie v XX veke*. [The Liturgical Renaissance in the 20th Century]. Moscow, Khristianskaia Rossiia Publ., 2005. 238 p. (In Russian).
2. Meyendorff J. "A Life Worth Living". *St. Vladimir's Theological Quarterly* 28 (1984) 3-10 (Russ. trans.: Meiendorf I., prot. Zhizn', dostoinaia zhitel'stva. Bogoslužhenie i Predanie. Bogoslovskie razmyshleniia protoiereia Aleksandra Shmemmana. Moscow, Palomnik Publ., 2005, pp. 208-222).
3. Pechatnov V.V. *Bozhestvennaia liturgiia v Rossii i Gretsii. Sravnitel'noe izučenie sovremennogo china* [The Divine Liturgy in Russia and in Greece. A Comparative Study of the Contemporary Ordo]. Moscow, Palomnik Publ., 2008. 365 p. (In Russian).
4. Schmemmann A., prot. *Evkharistia – Tainstvo Tsarstva* [The Eucharist: Sacrament of the Kingdom] - 2-e izd. Moscow: Palomnik, 1992. 304 p. (In Russian).
5. Schmemmann A. *The Liturgical Revival and the Orthodox Church* // Liturgy and Tradition: Theological Reflections of Alexander Schmemmann. Crestwood, New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1990. P. 101-114. (Russ. ed.: Shmemann A., prot. *Liturgicheskoe vozrozhdenie i Pravoslavnaia Tserkov'*. Bogoslužhenie i Predanie. Bogoslovskie razmyshleniia protoiereia Aleksandra Shmemmana. Moscow, Palomnik Publ., 2005. P. 141-162.)
6. Schmemmann A. *Church, World, Mission: Reflections on Orthodoxy in the West*. Crestwood, New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1979. 227 p.

About the Author:

Valentin V. Pechatnov – PhD (History), Assoc. Professor, the A.F. Shishkin department of Philosophy, MGIMO-University. Areas of specialization: Christian tradition, church history, liturgical science. E-mail: vpechatnov@yandex.ru.